

задоволення необхідних потреб чи отримання зиску. Отже, на думку Аристотеля, людина, що має досвід, мудріша за того, хто має лише чуттєві сприйняття, в той, хто володіє мистецтвом – мудріший за досвідченого, наставник – більш мудрий, аніж ремісник, «а науки про умоглядне (theōrētikai) – вище мистецтв творіння (poiētikai)». Таким чином, ясно, що мудрість є наука про певні причини і початки» [Метафізика, А 1, 981 b 29-30, 982 a 1-4] [1, с. 67]. Наука навчає, наставляє, а не просто розглядає і діє, створюючи. Але й навчити більш здатна та наука, яка досліджує причини, бо навчає той, хто вказує причини для кожної речі.

У підсумку, мудрий – це той, хто, на думку Аристотеля, по-перше, наскільки це можливо, знає все, хоча він і не має знання про кожен предмет окремо. По-друге, хто здатний пізнати важке і нелегко збагненне для людини. По-третє, більш мудрий у всякій науці той, хто більш точний і більш здатний навчити виявленню причин. За Аристотелем, «з наук в більшій мірі мудрість та, яка бажана заради неї самої і для пізнання, ніж та, яка бажана заради отриманої від неї користі, а та, яка головує, бажана в більшій мірі, ніж допоміжна, бо мудрому належить не отримувати повчання, а наставляти, і не він повинен коритися іншому, а йому – той, хто менше мудрий» [Метафізика, А 2, 982 a 10-15] [1, с. 68]. Але й навчити більш здатна та наука, яка досліджує причини, бо навчають ті, хто вказує причини для кожної речі.

Софістика стає початком саморефлексії філософії і пізнання, пунктом обернення їх на себе, а підсумком переробки і узагальнення всього попереднього знання стає філософія Аристотеля.

Таким чином історичний метод розгляду філософського розуміння знання є перспективним для подальших розвідок при розкритті ролі знання у процесі людинотворення і вдосконалення способу людського життя на противагу однобічному утилітарному, прагматичному погляду на знання як засіб отримання економічної вигоди, прибутку, власної користі тощо.

Бібліографічні посилання:

1. **Аристотель.** Метафізика // Аристотель. Соч. в 4-х тт. – Т. 1. / Ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. **Виндельбанд В.** История древней философии. Пер. с нем. под ред. А. И. Введенского. – Киев: «Тандем», 1995. – 368 с.
3. **Микешина Л. А.** Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.
4. **Платон.** Тезтет // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т.2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. В. Т. Васильевой. – М.: Мысль, 1993. – 527 с. – С. 192-274 (Филос. наследие).
5. **Платон.** Менон // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т.1 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. С. А. Ошерова. – М.: Мысль, 1990. – 860 с. – С. 575-612 (Филос. наследие).

УДК. 130.2

С. Ш. Айтов

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И КЛАССИЧЕСКИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Аналізуються історико-антропологічні підходи вітчизняних студій з філософії культури.

Ключові слова: історична антропологія, концепція, філософія культури, методологія.

Анализируются историко-антропологические подходы отечественных исследований по философии культуры.

Ключевые слова: историческая антропология, концепция, философия культуры, методология.

Study of historical anthropology, scientific discipline, probing mass and individual psychology of people of the last epochs, them mentalities, systems of spiritual and moral-ethic values, paradigms of conduct domestic and socially meaningful in their different aspects, conducted sufficiently intensive.

The purpose of the article is research of cognitive bases of this science and its dynamics, analysis of historical-anthropological researches, conducted in an array near historical science of scientific

disciplines, in particular, philosophy of culture.

Historical-anthropological methodologies and methods, called in creation of M. M. of Bakhtin, D. P. Likhachev, Yu. M. of Lotman, sign representatives of philosophy of culture of the second half of XX v. as yet not reconstructed and not studied. Mention about meaningfulness of historical-anthropological works of philosophers (in particular, Yu. M. of Lotman) contained in the survey articles of A. L. Yastrebitskay and A. Ya. Gurevich. Notably, that widely well-informed in history and development of historical anthropology the English scientist P. Berk walks around silence a contribution to this science of researchers, adopted higher. In accordance with said, the purpose of the real work is a reconstruction and analysis of historical-anthropological researches of M. of Bakhtin, D. P. Likhachev, Yu. M. of Lotman, as representatives of a study of literature science of the second half of XX v. which rendered substantial influence on development of epistemology bases and dynamics of historical anthropology.

Researches about a «man in time» representatives of philosophy of culture, M.M. Bakhtin, D.S. Likhachev, Yu.M. Lotman rendered considerable influence on development of epistemology bases of historical anthropology in the second half of XX age. This influence was realized through such factors, as: integration of new objects of research; leadthroughs of researches on material of the before not studied historical epochs; application of the new theoretical going near the study of the internal world of man of the past. Study of cognitive dialogue of historical anthropology and other sciences, philosophical, social, humanitarian forming of deep scientific pictures creates the prospect of universum of historical anthropology.

Keywords: historical anthropology, the concept, philosophy of culture, methodology.

Проблема работы. Изучение исторической антропологии, научной дисциплины, исследующей массовую и индивидуальную психологию людей прошедших эпох, их мировидение, системы духовных и морально-этических ценностей, парадигмы поведения бытового и социально значимого в их различных аспектах, ведётся достаточно интенсивно.

Целью статьи является исследование когнитивных основ этой науки и её динамики, анализ историко-антропологических изысканий, проведённых в массиве близких исторической науке научных дисциплин, в частности, философии культуры.

Обзор литературы. Историко-антропологические методологии и методики, заключённые в творчестве М. М. Бахтина, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, знаковых представителей философии культуры второй половины XX в. пока что не реконструированы и не изучены. Упоминания о значимости историко-антропологических работ философов (в частности, Ю. М. Лотмана) содержатся в обзорных статьях А. Л. Ястребицкой [20, с.85] и А. Я. Гуревича [3, с.41]. Примечательно, что широко осведомлённый в истории и развитии исторической антропологии английский учёный П. Бёрк обходит молчаливым вклад в эту науку исследователей, названных выше. В соответствии со сказанным, целью настоящей работы является реконструкция и анализ историко-антропологических исследований М. М. Бахтина, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, как представителей литературоведческой науки второй половины XX в., которые оказали существенное влияние на развитие эпистемологических основ и динамики исторической антропологии.

Основная часть. Значительный объём историко-антропологических изысканий содержит один из основных научных трудов М. М. Бахтина, посвящённый анализу творчества Ф. Рабле, народной культуры Средних Веков и Возрождения. Открытие значимости и содержания культуры и повседневности смеха определённо относит этот аспект изысканий М. М. Бахтина к сфере исторической антропологии. Учёный одним из первых указал на большую распространённость и влияние, социокультурное и социально-психологическое, смеховой культуры в позднем Средневековье и Ренессансе [1, с.6-7]. Творчество Ф. Рабле М. М. Бахтин рассматривал как репрезентативное отражение и проявление смеховой культуры Средних Веков, подчинявшей и регламентировавшей в определённые периоды времени жизнь целых городов и провинций Европы.

Образы материально-телесного низа и телесной жизни явились, по мнению исследователя, фундаментом некоторой эстетической концепции [1, с.23-24], через призму которой человек позднего Средневековья «видел» целостный мир и его отдельные явления. Это своеобразное мировидение М. М. Бахтин назвал «гротескным реализмом», вызвавшем к жизни такие формы «празднично-бытового поведения, как зрелища и смеховые действия праздника дураков, шаривари, карнавалы, дьяблерии, мистерии, фарсы и др.» [1, с.33].

Важной ментальной причиной функционирования «смеховой» культуры в средневековой Европе, М. М. Бахтин считал свойственный смеховым действиям, карнавалам, эффект «упразднения» иерархических отношений между людьми, создававший особую,

«карнавальную» реальность, невозможную в обыденной и рутинной повседневной жизни [1, с.14]. Таким образом, учёный рассматривал средневековый и ренессансный смех как комплексный социально-культурно-психологический феномен, отражающий социальную реальность, и обладающий возможностью существенного воздействия на неё.

Философско-культурные и культурологические исследования Д. С. Лихачёва были сфокусированы на изучении литературы, духовного мира, истории культуры русского Средневековья. Учёный трактовал русскую литературу Средних Веков как часть, но не как отражение истории Руси [11, с.329]. Человек и его личность должны быть, по мысли Д. С. Лихачёва, в центре изучения гуманитарных наук [6, с.259]. Указывая на «отсутствие человека» в современных ему исторических исследованиях, Д. С. Лихачёв обращает внимание на необходимость «... появления нового направления в исторической науке – истории человеческой личности» [6, с.259] (фактически, исторической антропологии).

Значимым для теоретических подходов Д. С. Лихачёва являлось положение о необходимости изучения социально-культурного и социально-психологического контекста литературных произведений, что объективно ориентирует литературоведов на исследование историко-антропологических тем и сюжетов [8, с.10-12], [5, с.189]. Этот концепт нашёл воплощение и в работах самого Д. С. Лихачёва, посвящённых изучению древнерусской литературы, книжников и книжной культуры Древней Руси. С его точки зрения, ментальной основой литературы данной эпохи является ощущение книжниками и мыслителями: «... величия и значимости мира» [7, с.110]. В мышлении книжников Средневековья, по Лихачёву, преобладали индуктивные аспекты, «... стремление выводить всё сущее из общих истин...» [13, с.105]. Им также было свойственно интересоваться эмблемами и символами [9, с.142], что учёный рассматривает как отражение «многозначительного лаконизма», включающего также схематичное, упрощённое изображение в литературе личности [13, с.23-24].

Подобно М. М. Бахтину, Д. С. Лихачёв обращался к изучению феномена смеховой культуры – на материале Древней Руси.

Одной из особенностей древнерусской смеховой культуры исследователь считал направленность смеха на смеющегося [10, с. 344]. Характерной чертой последней явился и институт юродивых, нёсший функцию не только смехового действия, но и социальной критики [10, с. 344]. Разнообразные аспекты мировидения человека русского Средневековья нашли воплощение в эстетическом стиле этой эпохи. Д. С. Лихачёв указывает на воплощение ментальностью определённого эстетического стиля в особенностях изобразительного искусства, зодчества и градостроительства Древней Руси [12, с.92-93].

В общем когнитивном пространстве творчества Д. С. Лихачёва можно, таким образом, выделить такие направления изучения им историко-антропологической проблематики, как: ментальность Древней Руси, в её различных проявлениях, в том числе и в феномене смеховой культуры, взаимосвязь мировидения жителей Древней Руси с особенностями её литературы, эстетических концепций, искусства. Изучение историко-антропологических тем, осмысленных Д. С. Лихачёвым, получило продолжение и развитие в трудах научных единомышленников исследователя, так, в частности, А. С. Дёмин проанализировал сущность изменения системы морально-этических ценностей и идеалов российского общества второй половины XVI – начала XVII в.в. [4], Г. М. Прохоров произвёл реконструкцию определённых стереотипов восприятия мира книжников Древней Руси [19].

Основной массив историко-антропологических подходов и методик Ю. М. Лотмана реализован в ходе изучения им русской литературы и социо-культурно-психологического контекста XVIII – первой половины XIX в.в. Важным для творческой «мастерской» учёного является концепт влияния образов искусства на бытовое поведение. По его мнению, представитель указанной эпохи «... выбирал себе определённый тип поведения, упрощавший и возводивший к некоторому идеалу его реальное бытовое существование...» [16, с.77]. С точки зрения такого подхода Ю. М. Лотман трактовал социо-культурно-психологические феномены карт; карточной игры и театральности, значимые для понимания поведения, поступков и мировоззрения представителей российского культурного слоя XVIII – первой половины XIX в.в. С точки зрения учёного, карточная игра с её неопределённостью и непредсказуемостью являет собой модель «поединка человека с судьбой» [19, с.125], явившуюся «матрицей» видения мира и поведения российского дворянства указанной эпохи. Такую же роль играли театр и получившие общественный резонанс театральные образы - роль «поведенческих моделей и программ» [18, с.43-44]. По мнению Ю. М. Лотмана, в XVIII - начале XIX в.в. «... театр вторгся в жизнь, активно перестраивая бытовое поведение людей» [18, с.47].

Изучение влияния культурных моделей и норм на мировидение и бытовое поведение нашло воплощение и в масштабном исследовании учёным раннего периода творчества

Н. М. Карамзина. Одной из его главных целей была реконструкция подлинных черт личности и мировидения великого историка, на основе анализа смоделированного («сотворённого») им из ходовых социокультурных стереотипов эпохи образа Русского Путешественника [17, с.18]. Типологически сходные научные цели были поставлены (и достигнуты) Ю. М. Лотманом и в исследовании образа Хлестакова [15, с.309]. Историко-антропологические изыскания Ю. М. Лотмана, несмотря на тематическое разнообразие и сложную методологию, были подчинены наиболее важной для учёного цели – понимания истории, что предполагает знание мотивов и побуждений бытовых и социально значимых действий людей минувших времён [14, с.13]. Работы Ю. М. Лотмана в области исторической антропологии посвящены реконструкции и анализу основ мировидения и «программ» бытового поведения представителей «культурного слоя» России XVIII – первой половины XIX в.в., объяснению причин исторических явлений и процессов, что является одной из главных задач не только научной дисциплины «историческая антропология», но и интеллектуальной истории в целом.

Общими для методологических подходов и методик М. М. Бахтина, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана является философия необходимости изучения историко-антропологической проблематики, её значимости для всего комплекса гуманитарных наук, для философии культуры. Различными оказались изучаемые исторические эпохи и методологические концепции: философски ориентированная у М. М. Бахтина, историко-литературная у Д. С. Лихачёва, культурологически-семиотическая у Ю. М. Лотмана. Вместе с тем, эти концепции не противоречат друг другу и могут рассматриваться как различные когнитивные аспекты (системы) общего универсума историко-антропологической проблематики.

Выводы. Исследования о «человеке во времени» представителей философии культуры, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачёва, Ю.М.Лотмана оказали значительное влияние на развитие эпистемологических основ исторической антропологии во второй половине XX века. Это влияние было реализовано через посредство таких факторов, как: интеграция новых объектов исследования; проведения исследований на материале ранее не изучавшихся исторических эпох; применение новых теоретических подходов к изучению внутреннего мира человека прошлого. Изучение когнитивного диалога исторической антропологии и других наук, философских, социальных, гуманитарных создает перспективу формирования углубленных научных представлений о междисциплинарном универсуме исторической антропологии.

Библиографические ссылки:

1. **Бахтин, М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса./М.М. Бахтин - М.: Художественная литература, 1965 – 454с
2. **Бёрк, П.** Историческая антропология и новая культурная История/П. Бёрк // Новое литературное обозрение.-2005.-№5-с.64-91
3. **Гуревич, А. Я.** История в человеческом измерении/А.Я. Гуревич //Новое литературное обозрение.-2005.-№5.-с. 38-64
4. **Дёмин, А. С.** Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в.в. Новые представления о мире, природе, Человеке/ А.С. Дёмин.- М.: Наука, 1977.
5. **Лихачёв, Д. С.** Задачи текстологии // Лихачёв Д. С. О филологии.-М.: Высшая школа, 1989.-с.173-203
6. **Лихачёв, Д. С.** О культуре // Лихачёв Д. С. Заметки и наблюдения. – М.: Художественная литература, 1989.-605с.
7. **Лихачёв, Д. С.** Первые семьсот лет русской литературы//Лихачёв Д.С. О филологии. – М.: Высшая школа, 1989.-с.107-127.
8. **Лихачёв, Д. С.** Своеобразие исторического пути литературы X – XVII в.в. // Лихачёв Д. С. О филологии М.: Высшая школа, 1989.-с.128-172.
9. **Лихачёв, Д. С.** Смех в Древней Руси // Лихачёв Д. С. Избранные Работы в 3-х томах.- т.2.-М.: Наука, 1987.-с.493
10. **Лихачёв, Д. С.** Социально-исторические корни отличий русскогобарокко от барокко других стран // Лихачёв Д. С. Прошлое – будущему, - М.: Наука. - с.325.-337.
11. **Лихачёв, Д. С.** Развитие русской литературы X – XVII в.в. Эпохи и стили // Лихачёв Д. С. Избранные работы в 3-х томах.-т.1.-М.: Наука, 1987.-493с.
12. **Лихачёв, Д. С.** Человек в литературе Древней Руси // Лихачёв Д. С. Избранные работы в 3-х томах.-т.3.-М.: Наука, 1987.-519с.
13. **Лотман, Ю. М.** Беседы о русской культуре./Ю.М. Лотман – Спб.: Искусство – СПб., 1994.-400с.
14. **Лотман, Ю. М.** О Хлестакове // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь – М.: Просвещение, 1988.-с.293-324

15. **Лотман, Ю. М.** Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в./ Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту.: ТГУ.- том.8, 1976.-с.65-89
16. **Лотман, Ю. М.** Сотворение Карамзина./ Ю.М. Лотман – М.: Книга, 1987.-336с.
17. **Лотман, Ю. М.** Театр и театральность в строе русской культуры начала XIX века // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры.– Тарту.: ТГУ, 1973.-95с.
18. **Лотман, Ю. М.** Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX в./ Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам.- Тарту.: ТГУ. - том 7., 1975.-с.120-130.
19. **Прохоров, Г. М.** Христианская книжная культура в Древней Руси/ Г.М. Прохоров // Русская литература. – 1995.-№3.-с.47-54
20. **Ястребицкая, А. Л.** Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике / А. Л. Ястребицкая // Одиссей. – М.: Наука, 1991.-с.84-102.

УДК 161.2

Г. В. Ущাপовська

ИНДУКТИВНИЙ ХАРАКТЕР КРИТИЧНОГО МИСЛЕННЯ

Метою концепції критичного мислення є дослідження вихідного знання внаслідок аналізу дедуктивних чи індуктивних аргументацій. Внаслідок проведеного дослідження виявилось, що вихідне знання може стати предметом вивчення критичного мислення лише, якщо отримане внаслідок аналізу індуктивної аргументації. Це призводить до висновку, що критичне мислення носить індуктивний характер. У статті використовується системний підхід до аналізу окремих логічних положень.

Ключові поняття: критичне мислення, логіка, дедуктивна аргументація, індуктивна аргументація, вихідне знання.

Целью концепции критического мышления является исследование исходного знания посредством проведенного анализа дедуктивных и индуктивных аргументаций. В результате были получены результаты, что исходное знание может стать предметом изучения критического мышления только, когда оно получено посредством анализа индуктивной аргументации. Это приводит к выводу, что критическое мышление имеет индуктивный характер. В статье используется системный подход и анализ отдельных логических положений.

Ключевые понятия: критическое мышление, логика, дедуктивная аргументация, индуктивная аргументация, исходное знание.

The purpose of the concept of critical thinking is to investigate the source of knowledge through the analysis of deductive and inductive arguments. In everyday life there are a large number of deductive arguments, but there are doubts about the admissibility of opinion due to deductive arguments always logically follow the rules. It means if all its premises are true, the conclusion is must be true and have no exceptions. It cannot extend the factual knowledge and gain new. But it is valuable for the concept of critical thinking in that way it is also used by fraud allegations that demonstrate the falsity and fallacy of the conclusion of statements. Inductive arguments does not follow logical rules and can have false conclusions even when all premises are true and support conclusion in the sense of contributing to or upholding its probability. It has lack the definitive and valuable truth-preserving features of deductive arguments. This apparent shortcoming, however, is more than offset by a feature of inductive arguments that is lacking in deductive arguments. Inductive arguments can extend or amplify our factual knowledge. Conclusions of inductive arguments amplify or go beyond the information found in the premises. Conclusions of ampliative arguments contain new information that is not present, even implicitly, in the premises. Although the field of mathematics is well suited to the almost exclusive use of deductive reasoning, in all other fields of human endeavor – natural science, the social science, history, literary criticism, the practical knowledge of everyday affairs, and, even ethics – inductive inferences and arguments are indispensable. This extended factual knowledge with inductive arguments contain is an object of study of critical thinking and this condition points that critical thinking has an inductive nature. The article uses a systematic method and analysis of the main logical rules.

Keywords: critical thinking, logic, deductive arguments, inductive arguments, factual knowledge.